

Колокола Ростовской соборной звонницы на страницах дневника протоиерея Андрея Тихвинского

А.Е. Виденеева, И.В. Коновалов

*«В соборе надлежит осторожно
употреблять звон колоколов, ибо по
оному распоряжается общий всех
церквей звон».*

(Прот. Андрей Тихвинский)

Внимание любого человека, оказавшегося близ Ростовского кремля, неизменно привлекают темные тяжелые громады больших благовестных колоколов, хорошо видимых в арочные пролеты древней звонницы Успенского собора. Равным образом никого не оставляет равнодушным гулкое, раскатистое звучание этих гигантов, завораживает и надолго остается в памяти переливчатая красота старинных ростовских звонов.

Гордостью и украшением Ростова служит соборная звонница XVII века с уникальным колокольным подбором, включающим в себя сверхтяжелые колокола, – великолепное архитектурное сооружение, где все подчинено одной цели – улучшению звучания дивного колокольного ансамбля.

Именно этой звоннице и ее удивительным колоколам было уготовано стать хранилищем традиций колокольного искусства, неиссякаемым кладезем для изучения русского колокольного наследия. Сегодня Ростовская соборная звонница служит образчиком культуры подбора колоколов, исполнения звонов и использования звонарских приспособлений, всемерно способствуя возрождению как колоколотейного искусства, так и искусства церковно-звонарского.

Учитывая выдающееся значение соборной звонницы, становится ясным ценность каждого нового документального свидетельства, имеющего отношение к этому памятнику. Мы хотели бы представить хранящийся в архиве Ростовского музея дневник соборного протоиерея Андрея Тихвинского – источник, содержащий редкие свидетельства о больших ростовских колоколах¹.

Андрей Тимофеевич Тихвинский (18 октября 1788 г. – 15 мая 1867 г.) возглавлял собор 45 лет – с 1820 по 1865 гг.² На протяжении своей жизни он вел дневник, отдельные фрагменты которого сохра-

Ил. 1. Вид на Успенский собор с соборной звонницы. Фото И. Коновалова.

нились до наших дней. В частности, в архиве музея находятся три тома его записок, датированные периодом с 1820 г. – времени его переезда в Ростов и вступлению в должность настоятеля Успенского собора – до второй половины 1850-х годов³.

Определенное место в своих «дневных записках» А.Т. Тихвинский уделял звонарям, колоколам и звонам, причем в большей степени это относится к началу 1820-х годов – первым годам его настоятельства, когда новоназначенный протоиерей привыкал к собору, входил в курс дела и с завидной пунктуальностью заносил в дневник все, касающееся нового места своего служения.

Своеобразие и ценность данного источника заключается в том, что он содержит особенную информацию – личностную оценку современника, при этом не стороннего наблюдателя, а человека, знающего и заинтересованного в интересующем нас предмете – больших соборных колоколах.

Первое, что сразу же обращает на себя внимание, – это названия колоколов. Сегодня мы настолько привыкли к их именам: «Сысой», «Полиелейный», «Лебедь», «Голодарь» и др., что считаем их историческими, изначальными. Между тем на страницах протоиерейского дневника они не упомянуты ни разу. Употребляются другие имена, производные от веса колоколов: «Двухтысячный», «Тысячный» и «Пятисотный», именно их и следует считать историческими. Отметим, что впервые на этот факт обратил внимание Д.В. Смирнов⁴. Относительно происхождения собственного имени второго колокола – «Полиелейного» – можно высказать следующее предположение. По бытовавшей традиции именно в этот колокол производился благовест в полиелейные праздники⁵. Следовательно, данная функция могла перенести название праздника на имя колокола.

Ростовский Успенский собор имеет статус главного храма города, в связи с чем по давней традиции его колокола имели право первого благовеста. На Пасху и по другим большим праздникам соборные колокола первыми открывали благовест всех городских церквей. Это была московская традиция, которую в начале XIX в. синодальным распоряжением распространили по всей стране⁶. Здесь уместно привести слова протоиерея А. Тихвинского: *«В соборе надлежит осторожно употреблять звон колоколов, ибо по оному распоряжается общий всех церквей звон»*⁷.

Важно подчеркнуть, что настоятель собора относился к колокольным звонам со вниманием и даже трепетом. По его собственному признанию, *«звон порядочной есть, можно сказать, молитва звонарей, ибо чрез оной уважается св. храм»*⁸. В этой простой фразе протоиерей ясно и четко сформулировал смысл колокольного звона. Вместе с тем, он отдавал должное красоте и силе звучания

соборных колоколов, гордился ростовской звонницей, «славящейся своим музыкальным звоном»⁹.

Неоднократно протоиерей Андрей предпринимал попытки регламентации колокольного звона – упорядочения времени начала и продолжительности благовеста, а также использования определенных колоколов для конкретных праздников. Страницы дневника сохранили его рассуждения на этот счет¹⁰. Так, неоднократно встречаются указания на то, в какое время в разные дни следует начинать благовест, колокол какого веса следует использовать в те или иные праздники и многое другое. К сожалению, эти записи эпизодичны и отрывисты и их непросто привести в систему. Однако, периодически в дневнике встречаются более подробные и обстоятельные описания звонов. Например, достаточно точно описан погребальный колокольный звон, сопровождавший заупокойную службу в соборе по поводу кончины императора Александра Павловича. 12 декабря 1825 г. *«вся служба – вечерня, утренья и обедня была заупокойная, благовест к оным производился в тысячный колокол и равно звон с сим колоколом. Пред окончанием литургии по данному знаку открыт был погребальный благовест в большой колокол (который бывает реже обыкновенного вдвое и производится в один край колокола). По окончании обедни все градское духовенство вышло за панихиду в черных ризах, между тем как на колокольне, по другому знаку, звонари начали производить перебор в колокола от большого до меньшого»*¹¹.

Со вниманием А. Тихвинский относился к продолжительности соборного благовеста, считая, что он должен длиться не более получаса, особенно в холодное время года. Так, 7 октября 1820 г. он отметил: *«Благовест к заутрени продолжался сорок минут, при том звонарь кончил оной, не дождавшись священника. Ввести, чтоб он был не более 25-ти минут, особливо в зимнее время из сострадания к звонарям»*¹².

Особенное значение для ростовского протоиерея, уроженца города Тихвина, имело празднование Тихвинской иконы Божией Матери. Подчеркивая значимость и торжественность этого события, он распоряжался к праздничной литургии благовестить в Полиелейный колокол – второй по весу в колокольном подборе. Так, 25 июня 1822 г. в своем дневнике он записал: *«Завтра праздник Тихфинской Богоматери, завтра Ей праздновать. Велеть давать благовест с 1000-м и помолиться усердно Владычице, да память Ея во славу Божию, будет мне спасением от искушений. Так было и прежде»*¹³.

Протоиерей Андрей в полной мере осознавал особенное качество своих колоколов, их уникальность и неповторимость. Он испытывал гордость за их огромный вес и высоко ценил красоту их звучания. Не удивительно, что колокольные звоны зачастую демонст-

рировались почетным гостям собора. К примеру, 22 августа 1821 г. протоиерей Андрей принимал в гостях архимандрита Гавриила, только что получившего назначение возглавить Орловскую епархию, и настоятелей двух ростовских монастырей – Борисоглебского архимандрита Павла и Яковлевского архимандрита Иннокентия. Вечером, знакомясь с памятниками бывшего архиерейского дома, «в башине близ Воскресенской церкви сидя, слушали благовест в 2-х тысячный колокол и звон во вся – сие можно было сделать в их удовольствие по причине большой вечерни пред отдаaniem праздник Успения Божией Матери»¹⁴. На следующий день, 23 августа, Успенский собор посетил смоленский епископ Иосиф, в сопровождении трех ростовских архимандритов. Наряду с достопримечательностями собора, высоким гостям вновь демонстрировались колокольные звоны: «Вечерня была большая для праздника Петра митрополита Московского, благовест в большой колокол и звон во все колокола. При выходе Преосвященного сделан был краткой звон»¹⁵.

Приведем еще один весьма показательный пример, подтверждающий особое отношение протоиерея к ансамблю соборных колоколов, который он оценивал как редкую и выдающуюся достопримечательность. 3 апреля 1824 г., в страстной четверг, в ростовском соборе служилась заупокойная служба по скончавшемуся ярославскому архиепископу Симеону. Вот как об этом рассказывал ростовский протоиерей, питавший к покойному владыке чувство глубокой личной признательности и благодарности: «К утрени благовест с 3S часов в 500, к елеосвящению – в 500-й же колокол. После литургии была отправлена панихида по новопреставленному архиепископу Симеону с благовестом в большой колокол и со звоном (с переводом, должно). Это была печально-приятная для меня церемония. Чувство печали проникало сердце мое, что лишился благодетеля, чувство удовольствия, что ему звоном нашим воздана большая честь, нежели как могла быть при погребении в Ярославле!»¹⁶

Любя свои колокола и дорожа ими, протоиерей Андрей следил за тем, чтобы они находились в должном порядке. К примеру, когда в начале весны 1821 г. ослабла подвеска языка большого колокола, настоятель первым делом запретил использовать его для звона, а затем незамедлительно постарался найти мастера, чтобы все исправить. В начале мая подрядчик Ефрем Матфеев, поднял язык, убрал ржавчину, поправил моржовый ремень и смазал его для предохранения особым составом¹⁷.

Безусловно, настоятеля заботило состояние и самой звонницы. Весной 1822 г. он заметил, что дождевая вода, стекающая с крыши звонницы, сбивала штукатурку, отчего стены потемнели. После чего были восстановлены водосточные трубы, а со временем исправлена побелка¹⁸. Летом того же года на колокольные меняли главы. При

этом соборный протоиерей не только организовывал и финансировал эти сложные и дорогостоящие работы, но и принимал в них непосредственное участие, в чем сам с гордостью признавался: «29 [июля], воскресенье. День сей достопримечателен поднятием благополучно главы на колокольню при многочисленном стечении народа. Подрядчик молодой Яков Максимов Кащин был на колокольне и смотрел за блоками, у воротов два подрядчика Григорий и Трофим, а я внизу у колокольни управлялся»¹⁹. Впрочем, с таким же вниманием протоиерей Андрей относился и к своему собору, по мере сил стремясь в должном порядке поддерживать и его внешний облик, и интерьер.

Между тем и звонница, и колокола создавали настоятелю собора значительно меньше проблем, чем звонари, а точнее – их неподобающее поведение: пьянство, самовольные отлучки и явное пренебрежение своими должностными обязанностями. Характерно, что в большей степени это беспокоило протоиерея в течение первого года его службы в соборе. К примеру, на первом же листе его дневника, читаем запись, оставленную 23 сентября 1822 г.: «Звонарю Алексею, возвратившемуся из Ярославля, зделан строгий выговор за то, что не явился по возвращении из Ярославля, звонарю Егору – за то, что не пришел благовестить к вечерне, звонарю Василию, самовольно отлучившемуся, надобно тоже зделать выговор»²⁰.

Особенно показательным нам кажется признание протоиерея, оставленное им 23 апреля 1821 г.: «Сей день, в которой случился праздник Георгия Победоносца, был камнем преткновения. Звонари Иван Алексеев и Феодор отлучились от должности и Егор, так же. Почему некому было звонить, кроме посторонних, которые очень дурно делали первой [звон] ко всенощному. Первые два звонаря не явились и к обедне в воскресенье. Егор и Иван были пьяны». Выводы, которые сделал настоятель из этой ситуации, очевидны: «1) Неисправность звонарей припишется слабому смотрению протоиерея. 2) Их непременно надобно наказать, и вместе, дать почувствовать, чтобы впредь не было подобных беспорядков»²¹.

Как видим, протоиерею в равной степени не нравилось и пренебрежительное отношение звонарей к своей работе, и прямое следствие этого – отсутствие колокольного звона или его некачественное исполнение. Не случайно, обращаясь к своим нерадивым звонарям, настоятель с горечью вопрошал: «Кто может дать знать о своей небрежности целому городу, как не вы? Кто начальника может более возмутить и оскорбить, как не вы?»²².

Между тем со временем ситуация, по всей видимости, выправилась. Во всяком случае, жалобы на звонарей постепенно исчезли со страниц дневника. Известно, что настоятель намеревался разрабо-

Ил. 2. Колокола Ростовской соборной звонницы. Фото И. Коновалова.

тать для них должностную инструкцию и предоставить расписание звона²³. Более того, имеются свидетельства того, что протоиерей, занимавшийся механикой и так любивший всякого рода изобретательства, предполагал «заняться устройством механизма к облегчению звона»²⁴.

Впрочем, относительно звонарей у настоятеля оставалась еще одна проблема, гораздо более серьезная, а именно – явная нехватка их числа, постоянно ощущавшаяся после сокращения звонарского штата во второй половине 1780-х годов в связи с переводом архиерейской кафедры из Ростова в Ярославль. Соборный протоиерей, пожалуй, в наибольшей мере был заинтересован в разрешении этой проблемы и неоднократно пытался доказать как светским, так и духовным властям, что ростовская звонница с большим числом тяжелых колоколов и традицией сложного ансамблевого звона, настоятельно нуждается в расширенном звонарском штате. Так, в мае 1852 г. протоиерей Андрей подготовил обращение в Ростовскую городскую думу со следующими проникновенными и, одновременно обоснованными словами: «Ныне при соборе Ростовском ... остается вместо нужных для производства звона пяти человек звонарей только три, и вместо трех сторожей только два, и что по сей причине должно употребить скорейшия какия-либо меры, чтоб не утратить звона, нужного для чести знаменитаго святынею места»²⁵.

Разумеется, талантом к колокольному звону, а также ответственностью к порученному делу соборные звонари были наделены в разной мере. Заботясь о качественном исполнении соборных звонков, протоиерей Андрей следил за тем, чтобы звонари совершенствовали свое мастерство. Например, в сентябре 1851 г. он отказался принять в звонари сельского пономаря Владимира Иванова, поскольку тот, *«имея средния лета жизни и, по-видимому, мало способностей, едва ли может научиться исправно производить звон на ростовской соборной колокольне»*²⁶. Вместе с тем, когда в том же году звонарь Алексей Воскресенский изъявил намерение покинуть собор, протоиерей постарался воспрепятствовать этому, убеждая духовную консисторию, что *«он для собора очень нужен, ... как лучший из всех звонарей, поелику ныне исправность звона подвергается чаще искусу»*²⁷. Как видим, осознавая, что красота звона напрямую зависит от таланта и уровня подготовки звонарей, настоятель собора старался сформировать полноценный и качественный звонарский ансамбль.

Итак, ростовская соборная звонница, ее колокола и звоны – уникальный памятник древне-русского зодчества, отечественного литейного искусства и русской музыкальной культуры. Дневник ростовского протоиерея содержит свидетельства того, что их значимость и ценность в полной мере признавалась и высоко оценивалась современниками. Одним из внимательных и чутких почитателей соборных колоколов являлся настоятель Успенского собора, протоиерей Андрей Тихвинский, чей дневник служит источником редких и ценных свидетельств истории их бытования.

¹ ГМЗРК. Р-811. Л. 1-1170.

² Подробнее о жизни прот. Андрея Тихвинского см.: [Тихвинский Н.А., прот.] Воспоминание о жизни и служебной деятельности протоиерея Ростовского Успенского собора Андрея Тимофеевича Тихвинского, скончавшагося 15 мая 1867 года. Ярославль, 1868.

³ Виденеева А.Е. О дневнике соборного протоиерея Андрея Тихвинского // ИКРЗ. 2000. Ростов, 2001. С. 75-80.

⁴ Смирнов Д.В. К вопросу о названии колоколов Ростовской звонницы // История и культура Ростовской земли: 1997. Ростов, 1998. С. 164-166.

⁵ См., напр. ГМЗРК. Р-811. Л. 1 об.

⁶ 1804 г., 1 октября. Указ Ярославской духовной консистории под о чинении колокольного благовеста к священнослужениям по Уставу Большаго Успенскаго собора и не прежде в городах, как по услышании соборнаго, и при нем копии с положением об оном благовесте. (РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 56).

⁷ ГМЗРК. Р-811. Л. 162.

⁸ ГМЗРК. Р-811. Л. 34.

⁹ ГМЗРК. Р-811. Л. 687.

¹⁰ См., напр.: ГМЗРК. Р-811. Л. 12, 118.

¹¹ ГМЗРК. Р-811. Л. 263 об. – 264.

- ¹² ГМЗРК. Р-811. Л. 170 об.
- ¹³ ГМЗРК. Р-811. Л. 5 об.
- ¹⁴ ГМЗРК. Р-811. Л. 60.
- ¹⁵ ГМЗРК. Р-811. Л. 60 об.
- ¹⁶ ГМЗРК. Р-811. Л. 222 об. – 223.
- ¹⁷ ГМЗРК. Р-811. Л. 32, 40 об.
- ¹⁸ ГМЗРК. Р-811. Л. 160.
- ¹⁹ ГМЗРК. Р-811. Л. 194 об.
- ²⁰ ГМЗРК. Р-811. Л. 1 об.
- ²¹ ГМЗРК. Р-811. Л. 34.
- ²² ГМЗРК. Р-811. Л. 34.
- ²³ ГМЗРК. Р-811. Л. 130.
- ²⁴ ГМЗРК. Р-811. Л. 532.
- ²⁵ ГМЗРК. Р-811. Л. 864.
- ²⁶ ГМЗРК. Р-811. Л. 684 об.
- ²⁷ ГМЗРК. Р-811. Л. 701.